

«Наследники» Петра Великого: власть и управление в послепетровской России

Омельченко Николай Алексеевич

Д-р ист. наук, проф., зав. каф. государственного управления и политических технологий
ORCID: 0000-0002-5872-1567, e-mail: nik_omelchenko@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется эволюция системы власти и управления в первое десятилетие после смерти Петра Великого, в один из самых драматических периодов отечественной истории, привычно именуемый в исторической литературе «эпохой дворцовых переворотов». В статье дана авторская трактовка деятельности Верховного тайного совета по совершенствованию государственного управления в правление Екатерины I и Петра II. Особое внимание уделяется анализу событий, связанных с приглашением на русский престол членами Верховного тайного совета племянницы Петра Великого курляндской герцогини Анны Иоанновны, в правление которой была сделана первая в политической истории России попытка ограничения самодержавной власти монарха. Рассматривая причины поражения замысла «верховников», предложивших Анне Иоанновне сформулированные князем Д. М. Голицыным «ограничительные пункты» («кондиции») изменить форму правления в России, автор статьи приходит к ряду важных для понимания событий выводов. По мнению автора, Анне Иоанновне удалось вырвать победу, опираясь на поддержку среднего и низшего дворянства, прежде всего потому, что в России средний класс всегда боялся ослабления центральной власти, которое, как правило, приводило либо к анархии, либо к власти олигархии.

Ключевые слова

Дворцовые перевороты, Сенат, Верховный тайный совет, фаворитизм, «ограничительные пункты», высшее управление, административные реформы, «бироновщина», Кабинет министров, олигархия

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-09-42064.

Для цитирования: Омельченко Н.А. «Наследники» Петра Великого: власть и управление в послепетровской России // Вестник университета. 2022. № 6. С. 40–47.

Peter the Great's "heirs": power and administration in post-Petrine Russia

Nikolai A. Omelchenko

Doctor of Historical Sciences, Prof., Head of Department of State Management and Political Technologies

ORCID: 0000-0002-5872-1567, e-mail: nik_omelchenko@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article examines the evolution of the power and governance system in the first decade after the death of Peter the Great, one of the most dramatic periods of Russian history, commonly referred to in the historical literature as the "epoch of palace coups". The article gives the author's interpretation of the activities of the Supreme Privy Council to improve public administration during the reign of Catherine I and Peter II. Particular attention is paid to the analysis of events connected with the invitation to the Russian throne by the members of Supreme Privy Council of the niece of Peter the Great, the Duchess of Courland Anna Ioannovna, during whose reign the first attempt in the political history of Russia was made to limit the autocratic power of the monarch. The author examines the reasons for the defeat of the plan of the "supreme leaders", who proposed to Anna Ioannovna "restrictive points" ("conditions"), formulated by Prince D.M. Golitsyn, to change the form of government in Russia, and draws some important conclusions for understanding the events. According to the author, Anna Ioannovna managed to snatch victory, relying on the support of the middle and lower nobility, primary because in Russia the middle class was always afraid of the weakening of the central government, which, as a rule, led either to anarchy or to the power of the oligarchy.

Keywords

Palace coups, Senate, Supreme Privy Council, favoritism, "restrictive points", supreme government, administrative reforms, "bironovshina", Cabinet of the Ministers, oligarchy

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research under Scientific Project No. 20-09-42064.

For citation: Omelchenko N.A. (2022) Peter the Great's "heirs": power and administration in post-Petrine Russia. *Vestnik universiteta*. no. 6, pp. 40–47.

ВВЕДЕНИЕ

Время после смерти Петра Великого, привычно именуемое с легкой руки русского историка В. О. Ключевского «эпохой дворцовых переворотов», – один из наиболее драматических и чрезвычайно сложных для взвешенной оценки, если не ограничиваться внешними его характеристиками, периодов в политической истории России. За 17 лет после смерти царя-преобразователя сменили друг друга пять императоров и императриц: жена Петра Великого Екатерина I (1725–1727); внук Петра Петр II (1727–1730), умерший в возрасте 14 лет в январе 1730 г.; племянница Петра Анна Иоанновна (1730–1740), время правления которой получило название «бионовщины» (по имени всемогущего фаворита Анны); младенец Иван Антонович (октябрь 1740 – март 1741 г.) и «одаренная природным умом и красивой внешностью, веселая и живая по характеру» [1, с. 136], но не получившая серьезного образования дочь Петра Елизавета Петровна (1741–1761) – императрица, заслужившая расположение русского общества своим обещанием ограничить немецкое засилье в высших эшелонах власти и восстановить петровскую систему высшего и центрального управления в России.

© Omelchenko N.A., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Большинство из приходивших к власти в этот период императриц и императоров оказались на русском престоле волей случая при открытой поддержке дворянской гвардии и, в сущности, мало заботились о судьбах российской государственности. На это обстоятельство обращали внимание многие из современников, в том числе находившиеся в то время в России иностранные послы, указывавшие, что «все в России в страшном беспорядке» [2, с. 104]. Ни одна из приходивших к власти в этот период государынь не была подготовлена к государственной деятельности, и большей частью, как это было и с Екатериной I, и Анной Иоанновной, и Елизаветой Петровной, они проявляли себя, по замечанию историка В.А. Мякотина, «больше в сфере придворной жизни, чем в области собственно государственных вопросов» [1, с. 142]. Особый интерес у исследователей эпохи дворцовых переворотов вызывали и продолжают приковывать к себе внимание события, связанные с приглашением в 1730 г. на русский престол племянницы Петра Великого Анны Иоанновны, в правление которой была сделана первая в политической истории России попытка ограничения самодержавной власти монарха.

ОБСУЖДЕНИЕ

По мнению ряда историков, в целом рассматриваемый период, в отличие от бурного петровского царствования не отличался никакими серьезными преобразованиями, а сами новые правители в своем большинстве ограничивались использованием багажа прошлого. На это с горечью указывал известный русский историк С. Ф. Платонов, заметивший, что на протяжении ряда десятилетий после смерти Петра «все в государстве жило день за день». Ученый отмечал, что в управлении государством в этот период «не было никакой определенной тенденции – ни к возврату в допетровские формы жизни, ни к продолжению преобразований Петра Великого» [2, с. 104]. Что касается ряда наблюдавшихся после смерти Петра I изменений в системе высшей и центральной администрации, то большинство из них по большей части диктовались политической конъюнктурой, были вызваны непрекращавшейся борьбой вокруг престола, а не объективной необходимостью совершенствования государственного аппарата.

Изменения коснулись в первую очередь положения основного «детища» Петра I – Сената, который был постепенно вытеснен при новых правителях на второй план. Власть и управление концентрируются в руках создаваемых при царствующих особах, не обладавших способностью управлять государством, специальных высших учреждений, которым делегировался широкий круг прав и полномочий. Первым из таких учреждений стал возникший в самом начале правления жены Петра I Екатерины I Верховный тайный совет, который сразу был объявлен главным правительственным органом при императрице. Совет состоял из высшей административной элиты и отдельных представителей старой знати (А. Д. Меншиков, Г. И. Головкин, П. А. Толстой, Ф. М. Апраксин, А. И. Остерман, Д. М. Голицын и др.). Аналогичным органом высшего управления был и созданный при Анне Иоанновне (1730–1740) Кабинет министров, в состав которого входили три назначаемых императрицей высших сановника, обладавших правом ставить на указах и других государственных документах свои подписи, заменявшие подпись императрицы.

В исторической литературе сложились различные оценки причин создания и характера деятельности Верховного тайного совета. Наиболее известны две дополняющие друг друга точки зрения. Согласно одной из них, создатели Верховного тайного совета ожидали, что создание Совета «должно было ограничить власть Меншикова, так как должно было заменить решения, единолично им подсказываемые императрице, коллективными решениями Совета» [1, с. 118]. С этой точкой зрения согласуется мнение С. Ф. Платонова, писавшего, что в политическом отношении Совет «в глазах его учредителей был средством против временщиков, а потом и против самой самодержавной власти» [3, с. 222].

Согласно другой точке зрения, учреждение в 1726 г. Верховного тайного совета являлось ничем иным, как попыткой новой власти, не отличавшейся особой устойчивостью, нейтрализовать оппозиционно настроенную старую аристократию и тем самым добиться хотя бы временной консолидации правящей элиты [4, с. 109]. При этом в качестве аргумента в пользу этой точки зрения указывается на факт включения в первый состав Верховного тайного совета, наряду «с самыми влиятельными административными лицами: Меншиковым, Апраксиным, Толстым», виднейшего представителя старой знати князя Д. М. Голицына [5, с. 136]. Хотя, как заметил С. Ф. Платонов, прочного мира между враждующими сторонами «не получилось», прежде всего, потому, что «многие и не вошедший в Совет Ягужинский не могли примириться с исключительным значением Меншикова» [2, с. 102], который в обход Совета «продолжал лично докладывать дела императрице» [1, с. 118].

Важным, с нашей точки зрения, представляется мнение С. Ф. Платонова, согласно которому учреждение Верховного совета в административном отношении восполняло «недостаток такого законодательного учреждения в системе Петра Великого, каким была до него боярская дума» [3, с. 222]. В научной литературе уже обращалось внимание на факты усилившегося внутри правящей элиты после смерти Петра негативного отношения, как к самим реформам царя-преобразователя, так и к авторитарным методам власти и управления, которые использовались Петром в процессе проведения реформ. Подобные настроения наблюдались еще в годы правления преобразователя, что явилось одной из причин формирования глухой оппозиции петровскому режиму (как пример обычно приводят известный «заговор царевича Алексея», который был поддержан рядом влиятельных петровских сановников), равно как и приобретающих популярность среди представителей высшей знати планы ограничения прав монарха в свою пользу.

Для осуществления этих замыслов русская аристократия, апеллируя к шведским олигархическим порядкам, вынашивала далеко идущие планы формирования особого наделенного законодательной властью аристократического органа в системе высшего управления, что по тем условиям означало серьезное ограничение личной власти монарха. Созданный в 1726 г. Верховный тайный совет как нельзя лучше вписывался в эту схему. Совершенно особое место в части идейного обоснования и практической реализации этих планов занимал один из влиятельных членов Верховного совета, представитель старобоярской знати князь Д. М. Голицын. Будучи убежденным в том, что, уничтожив Боярскую думу, на протяжении двух веков делившую власть с монархом, и поставив на ее место бюрократический по своей природе Сенат, Петр I нарушил преемственность в государственном развитии страны, князь Д. М. Голицын надеялся, что создание специального высшего учреждения в лице Верховного тайного совета и наделение его по примеру Боярской думы законодательными функциями позволит исправить эту историческую ошибку Петра Великого.

В свете сказанного ряд ученых справедливо усматривают в создании Верховного тайного совета первые попытки изменения формы правления в политической системе послепетровской России. Этой точки зрения придерживался, в частности, известный дореволюционный исследователь русского государственного права А. Д. Градовский, отнесший создание Верховного тайного совета к разряду самых неожиданных и внезапных государственных переворотов [5, с. 137]. Ученый обращает внимание на то обстоятельство, что инициаторы создания нового учреждения, поспешно упразднившие должность генерал-прокурора Сената и узурпировав власть Сената, «вчерашнего повелителя России», который был теперь поставлен в разряд простых коллегий, хотели, в сущности, «произвести довольно значительный переворот в государственной администрации» [5, с. 137].

По мнению ученого, этим шагом, по сути, разрушалась вся задуманная и созданная Петром I система высшего и центрального управления в России, в рамках которой Сенат как «первое учреждение в империи» посредством института прокуратуры осуществлял надзор за законностью в государственном управлении и обеспечивал некоторую стройность в государственной администрации. На практике объявленные «верховниками» меры преследовали вполне прагматические цели – «освободить от подчинения Сенату» ряд государственных коллегий и, прежде всего, военную коллегию, президентом которой незадолго до смерти Петра I стал А. Д. Меншиков. Одновременно с этим для «старомосковской партии» и придворной знати через ее участие в Верховном тайном совете обеспечивалась, по замечанию А. Д. Градовского, «возможность удовлетворить своему честолюбию, не проходя служебного поприща и найти приятное занятие, не предаваясь серьезному труду» [5, с. 138]. И уже скоро, пишет ученый, дало о себе знать «другое начало», по-видимому забытое Россией: должности членов Совета «попадают в руки придворных боярских родов, быстро складывается у нас олигархия» [5, с. 138]. Не допуская никаких посредников между собой и монархом, присвоив себе право назначать сенаторов из кандидатов, представляемых Сенатом, Верховный тайный совет становится сначала «орудием деспотизма при Меншикове» в царствование Екатерины I, а впоследствии, уже в правление Петра II, таким же орудием «олигархии при Долгоруких» [5, с. 139].

Основным организатором и вдохновителем создания Верховного совета, «душой всего дела» А. Д. Градовский считал «ловкого дельца» и мастера политических комбинаций, фактического руководителя внешней политики России А. И. Остермана, который, по мнению автора, не оставлял свою мечту ни при Екатерине I, ни впоследствии при Анне Иоанновне «поставить между сенатом и верховной властью не лицо, а учреждение, в котором он занял бы видное место» [5, с. 150]. Позже, уже после падения

Верховного совета при Анне Иоанновне, эту же комбинацию Остерман применил при создании нового учреждения под скромным названием «кабинета», для чего так же, как и при создании Верховного тайного совета, ему пришлось «извлечь из сената ряд важных дел и предать узкому кругу лиц» [5, с. 151].

В то же время, говоря об этом, вряд ли было бы правильным ограничиваться только внешними характеристиками Верховного тайного совета. Факты свидетельствуют, что в сравнении с создаваемыми впоследствии подобными учреждениями, Верховный тайный совет (особенно самый деятельный из его членов Остерман) предпринимал реальные шаги по устройству государственной жизни в послепетровской России. Ряд проведенных преобразований ставили целью упорядочение системы государственной администрации, которое должно было, по замыслу «верховников», привести к значительному сокращению разросшегося центрального и местного аппарата управления. Эти шаги были предприняты Верховным тайным советом не только в связи с необходимостью удешевления содержания чиновников на фоне усиливавшихся финансовых трудностей, но и по причине бедственного положения основной массы крестьянского населения тогдашней России. Уже при Екатерине I было принято решение об упразднении множества «ненужных канцелярий и контор», признанных «обременительными для народа», в связи с чем «вся расправа и суд» были возложены на губернаторов и воевод, которым были подчинены созданные Петром I городские магистраты. Позже, при Петре II был ликвидирован и Главный магистрат [6, с. 173].

По свидетельству С. М. Соловьева, члены Верховного тайного совета сразу после его образования «подали императрице замечания свои, что крестьяне, составляющие большинство народонаселения, приходят в крайнее разорение от великих податей и особенно от угнетения со стороны земских властей и войск и бегут в Польшу, к башкирцам, в Запорожье и в раскол» [6, с. 173]. В «замечаниях» указывалось, что «производство дел в коллегиях недовольно быстро и правильно, отчего волокиты и разорение просителям; что источники доходов скудны, расходы далеко выше доходов, отчетности в употреблении государственной казны нет никакой» [6, с. 173].

К сказанному следует добавить ряд мер, которые были приняты Верховным тайным советом с целью поддержки российского купечества. Эта задача была возложена на специально учрежденную при Петре II «комиссию по коммерции» под председательством Остермана, куда «купцы целым городом или поодиночке» могли через губернаторов и воевод пересылать «представления о том, что может быть полезно для купечества» [6, с. 175]. Среди других преобразований, заслуживающих внимания, исследователи выделяют принятые при Петре II меры по смягчению сурового петровского законодательства, сопровождавшиеся, как известно, уничтожением «зловещего детища» Петра I – Преображенского приказа, приобретшего свою известность массовыми пытками и тайными казнями [6, с. 176].

В отдельном обсуждении нуждается вопрос о событиях, которыми сопровождалось воцарение на русском престоле племянницы Петра I курляндской герцогини Анны Иоанновны. Драматичность происходившего вызвала к жизни ставшую уже хрестоматийной характеристику этих событий как «события 1730 года», с которыми многие современные авторы связывают первые в политической истории России попытки «конституционного» ограничения власти монарха. Обычно речь в данном случае идет об известных «кондициях», или «пунктах», которые были подготовлены членами упоминаемого нами Верховного тайного совета, в частности наиболее грамотным из них князем Д.М. Голицыным, и представлены приглашенной на русский престол Верховным советом племяннице Петра Великого Анны Иоанновны в качестве условий ее царствования. Согласно «пунктам» «императрица должна обещать не выходить замуж и не назначать себе наследника», Верховный тайный совет «содержать всегда в восьми персонах и без его согласия не объявлять войны и не заключать мира, не налагать податей и не расходовать государственных доходов, не жаловать вотчин и не отнимать имения и чести у шляхетства, не жаловать никого в придворные и генеральские чины, гвардии и всем прочим войскам быть под ведением Верховного Тайного Совета, а не императрицы» [2, с. 105–106].

По наблюдениям В. А. Мякотина, автор «ограничительных пунктов» князь Д. М. Голицын обдумал свой план «в главных своих основах» задолго до того, как представил его на Верховном тайном совете по случаю приглашения на русский престол Анны Иоанновны. «Будучи одним из наиболее образованных людей в тогдашнем русском обществе, обладая светлым умом и соединяя в себе любовь к просвещению и интерес к жизни других стран с преданностью старым русским традициям, он с неодобрением смотрел на многое из того, что делалось в России при Петре В., и с еще большим неодобрением

на то, что происходило после смерти Царя-преобразователя» [1, с. 122–123]. Возвышение людей случайных, чрезвычайная сила и значение которых определялись их близостью к царствующей особе, использование этими людьми своего положения ради личной выгоды, по словам В. А. Мякотина, «огорчали и возмущали его» и «заставляли его искать в опыте других стран средств противодействия этим явлениям». Лучший пример для своего плана князь Голицын видел в соседней Швеции, «в которой власть монарха подвергалась в 1718–1720 гг. существенным ограничениям». Подобные ограничения «представлялись ему желательными и в России» [1, с. 123]. По свидетельству В. Я. Уланова, обладатель знаменитой архангельской библиотеки Д. М. Голицын приказал перевести для личного употребления с шведского языка все материалы по государственному праву Швеции, которые удалось достать, по поручению Петра Великого, гамбургцу Фику. Ни один раз этот республиканец на службе у самого неограниченного монарха, каким был Петр Великий, являлся в дом своего непосредственного начальника Д. М. Голицына, чтобы за трубкой табаку, попросту, без чинов, побеседовать с ним, столпом старобоярской партии «о старой и новой истории, также о различиях между религиями» [7, с. 355].

Как отмечает в этой же связи С. Ф. Платонов, события последних пяти лет после смерти Петра I убеждали Голицына в том, что «при дворе возможны фавориты, что при таком условии влияние принадлежит случайным людям, а не достойнейшим представителям высшей администрации и высшего дворянства». Он был убежден, что единственным «действительным средством против фаворитизма» в этой ситуации может стать «ограничение личной власти монарха Верховным Тайным Советом», который в то время имел «характер аристократического по составу учреждения»: в момент вступления на престол Анны Иоанновны шесть человек из восьми членов Совета являлись представителями старой русской знати («четверо Долгоруких, двое Голицыных, канцлер Головкин и Остерман») [2, с. 105].

Известно, однако, что «пункты», серьезно ограничивавшие власть новой императрицы, хотя и были сначала подписаны находившейся в то время в Митаве Анной, впоследствии по приезду будущей императрицы для коронации в Москву были публично ее порваны, что похоронило надежды русской аристократии изменить форму правления в России в пользу ограниченной монархии. Верховный тайный совет был ликвидирован. Вслед за этим изменениям подверглась и система высшего и центрального управления. Был отменен указ Петра I о майоратах, вызывавший у дворян недовольство. Одновременно с этим были приняты меры по облегчению дворянской (шляхетской) службы, значительно увеличена численность дворянской гвардии и учрежден кадетский корпус для дворянских детей [8, с. 371]. Характерно, что большинство из этих мер явились выполнением тех требований, которые выдвигались дворянством в ходе бурных дискуссий, происходивших в Москве вокруг сформулированных и предъявленных Анне Иоанновне при ее вступлении на престол членами Верховного тайного совета «ограничительных пунктов».

Первоначально Анна решила восстановить в правах Сенат, восстановлена была и упраздненная «верховниками» должность генерал-прокурора. Однако вскоре было создано новое подобное уничтоженному Верховному тайному совету государственное учреждение – Кабинет, члены которого носили название кабинет-министров [2, с. 122]). По словам А. Д. Градовского, в отличие от создаваемых раньше кабинетов, новое учреждение было задумано Остерманом «как самостоятельное, отдельное учреждение, стоящее между сенатом и верховною властью». В его состав вошли канцлер Г. И. Головкин, вице-канцлер А. И. Остерман и действительный тайный советник А. М. Черкасский, подпись которых приравнивалась к подписи императрицы.

Так же как в свое время упраздненному Верховному тайному совету, Кабинету министров был предоставлен «надзор за течением дел в государственных учреждениях; сенату, синоду, коллегиям и канцеляриям приказано подавать ежемесячные рапорты в кабинет о производящихся в них челобитчицких делах «для усмотрения безволкотно-ли по оным решения бывают» [5, с. 151]. Однако в отличие от Верховного тайного совета кабинет «не имел таких глубоких правительственных целей» уже потому, что был создан с целью «удовлетворить самолюбию нескольких лиц» [5, с. 153] и, прежде всего, дать свободу действий возглавляемому Минихом военному ведомству и руководимой Остерманом иностранной коллегии.

Как отметил в своем капитальном труде о высшей администрации России А. Д. Градовский, Кабинет, обладая весьма сомнительной репутацией, своими действиями только «внес чрезвычайную запутанность в администрацию». Лишив самостоятельности Сенат, за которым «были устойчивость, непрерывность организации», он не смог стать «прочною и постоянною инстанцией, непрерывно-деятельным

административным учреждением». Весьма интересен вывод маститого ученого, указавшего, что «история сената при Анне Ивановне доказала, что личное управление, после Петра I, не могло уже выдержать действительной конкуренции с коллегияльными учреждениями» [5, с. 158].

Что касается самой государыни, то Анна, не занимаясь государственными делами, отдала Россию на откуп своему фавориту Бирону, человеку «среднего ума и способностей» [1, с. 128] смотревшему свысока на русское дворянство и заботившемуся только о своем благосостоянии и положении. Все доходные места в государственном управлении заняли немцы – во главе армии стоял Миних, внешнеполитическим ведомством бесценно руководил Остерман, уральскими заводами ведал Штемберг, академию наук возглавлял Шумахер, двор и гвардию – братья Левенвольде [9, с. 372]. Антинациональная политика Анны Иоанновны, вызывавшая острое недовольство русского дворянства, – таким был один из результатов «событий 1730 года».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О значении «событий 1730 года» писали многие русские ученые и мыслители. Так, по мнению автора известного исследования «Россия и русские», профессора лондонского университета Дж. Хоскинга, если бы намерения членов Верховного тайного совета были доведены до конца, «Россия могла бы стать ограниченной монархией, подобно той, что была установлена вигами в Англии XVIII в.» [10, с. 259].

Оригинально и по-своему обыграл эту ситуацию известный русский политический мыслитель, один из видных деятелей русской послеоктябрьской эмиграции Петр Струве, связывавший с «событиями 1730 года» упущенную, с его точки зрения, возможность проведения в России политической реформы, что имело, как считал Струве, плачевные последствия для государственного развития страны. По словам политика, Ленин и большевики оказались у власти в 1917 г. «именно потому, что в 1730 г. курляндская герцогиня одержала победу над князем Дмитрием Михайловичем Голицыным» [11, с. 226]. Эта задержка политической реформы в России на 175 лет, по мнению П. Б. Струве, была одной из причин того, что, когда в стране в ходе первой русской революции 1905 г. наступил конституционный строй, Россия оказалась к нему не готова [11, с. 226].

Однако, главный вопрос, неизбежно возникающий при внимательном рассмотрении «событий 1730 года», заключается как раз в том, на что, по каким-то причинам, не обратил внимание Петр Струве. Почему никому неизвестная курляндская герцогиня нашла широкую поддержку среди широких слоев «среднего и низшего дворянства» и, опираясь на дворянскую гвардию, смогла восстановить «рушившуюся» абсолютную монархию в России? Очевидно, что объяснить эту ситуацию только тем, что члены Верховного тайного совета «не имели никаких средств для того, чтобы силою поддержать свои планы», а шляхетство (дворянство) «было единственной силой в государстве, потому что имело военную организацию», как это делает С. Ф. Платонов [2, с. 107], было бы не совсем правильно.

Ответ здесь необходимо искать в другой плоскости и прежде всего в том, что в истории России средний класс (а таковым следует признать русское «среднее и низшее дворянство») всегда боялся ослабления центральной власти, которое, как показывают факты русской истории, как правило, приводили либо к анархии, либо к власти олигархии.

Очевидно, что опасность установления олигархической формы правления отчетливо осознавалась наиболее дальновидными современниками описываемых нами событий 1730 г. Симптоматично в этом смысле высказывание «талантливого современника» событий А. П. Волынского, писавшего в связи с распространявшимися в Москве перед приездом Анны Иоанновны слухами об ограничениях ее власти в пользу Верховного тайного совета: «Боже сохрани, чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя девяти самовластных и сильных фамилий», «так мы, шляхетство совсем пропадем» [2, с. 106]. Показательно, что сам С. Ф. Платонов, ссылавшийся на эти слова в своем исследовании, должен был заметить, что находившийся в то время в Рязани Волынский «думал совершенно то же, что думало шляхетство, собранное во множестве в Москве по случаю пребывания там двора» [2, с. 106].

Впоследствии именно эта ситуация заставила одного из образованнейших людей России начала XIX в. русского историографа Н. М. Карамзина выступить против ограничения власти монарха, ослабление которой историк усматривал в случае реализации плана государственного преобразования М. М. Сперанского. В специально написанной в этой связи «Записке о древней и новой России» Н. М. Карамзин доказывал, что именно самодержавию Россия «обязана спасением и величием», с переменою

же формы власти возникали смуты в российском государстве, и оно гибло от безвластия и произвола. Главная же опасность для государственного развития, по мысли автора «Записки», заключалась во власти олигархии. Именно в эти периоды, как показывает русская история, государственная власть нередко превращалась в «играрище олигархии», перерождалась в «безвластие» и «безначалие», которые, как правило, считает Н. М. Карамзин, опаснее любой тирании, «ужаснее самого злейшего правителя, подвергая опасности всех граждан» [12, с. 46].

Библиографический список

1. Мякотин В.А. *История России в конце XVII и в первую половину XVIII столетия*. София: Придворна печатница – Hofbuchdruckerei; 1938. 146 с.
2. Платонов С.Ф. *Лекции по русской истории. Выпуск III-й*. С-Петербург; 1899. 197 с.
3. Платонов С.Ф. *История России*. СПб.: Дельта; 1998. 352 с.
4. Курукин И.В. *Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг.* СПб.: Наука, СПб филиал; 2019. 757 с.
5. Градовский А.Д. *Высшая администрация России и генерал-прокуроры*. С-Петербург: тип. И. Бочкарева; 1866. 287 с.
6. Соловьев С.М. *Учебник по русской истории*. М.: AUG3BURG; 2001. 248 с.
7. Мартышкин А.М., Свиридов А.Г. [сост.]. *Три века. Россия от Смуты до нашего времени. В 6 т. Т. 3: XVIII век. Первая половина; Т. 4: XVIII век. Вторая половина*. М.: ГИС–Патриот, при участии кооператива «Детектив»; 1992. 576 с.
8. Иловыйский Д.И. *Очерки отечественной истории*. М.: Мысль; 1995. 510 с.
9. Бушуев С.В. *История государства Российского: историко-библиографические очерки. Кн. вторая. XVII–XVIII вв.* М.: Кн. палата; 1994. 416 с.
10. Хоскинг Дж. *Россия и русские = Russia and the Russians: a history*. В 2-х кн. Кн. 1. Пер. с англ. Р.А. Арсланова и др. М.: АСТ: Транзиткнига; 2003. 494 с.
11. Омельченко Н.А. *В поисках России: общественно-политическая мысль российского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности (историко-политический анализ)*. СПб.: РХГИ; 1996. 560 с.
12. Карамзин Н.М. *Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях*. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы; 1991. 127 с.

References

1. Myakotin V.A. *History of Russia at the end of XVII and at the first half of XVIII centuries*. Sofia. Court publ. – Hofbuchdruckerei; 1938. 146 p. (In Russian).
2. Platonov S.F. *Lectures on Russian history. Vol. III*. St.-Petersburg; 1899. 197 p. (In Russian).
3. Platonov S.F. *The History of Russia*. St.-Petersburg: Delta; 1998. 352 p. (In Russian).
4. Kurukin I.V. *The era of “Court storms”: essays of political history of post-Petrine Russia, 1725–1762*. St.-Petersburg: Nauka, SPb filial; 2019. 757 p. (In Russian).
5. Gradovskiy A.D. *Higher administration of Russia and General-procurers*. St.-Petersburg: Bochkarev's print.; 1866. 287 p. (In Russian).
6. Solovyov S.M. *Textbook on Russian history*. Moscow: AUG3BURG; 2001. 248 p. (In Russian).
7. Martyshkin A.M., Sviridov A.G. [comp.] *Three centuries. Russia from Time of Troubles to present days. At 6 volumes. Vol. 3: XVIII century. First half; Vol. 4: XVIII century. Second half*. Moscow: GIS–Patriot publ., in coop. with “Detective”; 1992. 576 p. (In Russian).
8. Ilovayskiy D.I. *Essays on Russian history*. Moscow: Misl'; 1995. 510 p. (In Russian).
9. Bushuev S.V. *The history of Russian State: historical-bibliographical essays. Book 2. XVII–XVIII centuries*. Moscow: Knizhnaya palata; 1994. 416 p. (In Russian).
10. Hosking J. *Russia and the Russians: a history*. In 2 books. Book 1. Trans. from Eng. M.: ASR: Transitskniga; 2003. 494 p. (In Russian).
11. Omelchenko N.A. *Searching Russia: socio-political thought of Russian abroad about the Revolution of 1917, bolshevism and future of Russian statehood (historical and political analysis)*. St.-Petersburg: RHGI; 1996. 560 p. (In Russian).
12. Karamzin N.M. *The note about ancient and modern Russia in its political and civil relations*. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury; 1991. 46 p. (In Russian).